

В ОКТЯБРЕ 40-го Первотуральский райвоенкомат призвал меня на действительную службу. Тогдашний нарком обороны С. К. Тимошенко издал приказ о призыве в ряды РККА граждан, окончивших среднюю школу, а я как раз получил аттестат зрелости. Погрузили нас в Свердловске в теплушку, и началось путешествие в далекий Смоленск. Там мы узнали, что будем учиться в школе санитарных инструкторов.

В ночь на 22 июня 1941 года нас подняли «в ружье». Мы совершали ночной марш-бросок, ничего, естественно, не зная. Около десяти часов поступила команда «Отдых!», и только тут мы обратили внимание на обилие легковых автомашин и генералов в них. В то время увидеть генерала считалось у нас ЧП, а тут сплошные генералы? Непонятно. Вдруг объявили митинг, и мы услышали страшное слово: ВОЙНА. Оказывается, фашистская Германия напала на нас внезапно, ударом из-за угла... Что тут началось! Все выступающие единодушно заявляли, что мы в течение одного-трех месяцев разгромим немцев и займем Берлин.

В действительности же все пошло кувырком и совершенно наоборот. Оказалось, что мы по существу не готовы к войне. Курсантов досрочно аттестовали, присвоили звание младших командиров и начали рассылать в дивизии, уже участвующие в боях. Авиация врага начала бомбить Смоленск на третий день войны, и нас бросали на ликвидацию «ракетчиков». Как только наступала темнота, в разных частях города в небо взвивались ракеты, указывающие самолетами цели, куда нужно кидать бомбы. Помню один случай. В составе наряда из шести человек под командой старшего сержанта я вышел с территории школы. Со всех сторон посыпались ракеты. Мы подошли к ближайшему трехэтажному дому, с крыши которого, как нам показало, пускали ракеты, и стали подниматься на чердак. Никого там не обнаружили и решили обойти жильцов верхнего этажа. В первой же квартире жильцом ока-

зался наш преподаватель, профессор пединститута. Естественны наше недоумение и растерянность. Мы вежливо извинились. Но наш командир поинтересовался, почему они с женой не спят в два часа ночи, а в какой-то неестественной позе бодрствуют на диване. Хозяин начал что-то бормотать. Тогда наш командир попросил их встать с дивана и поднял сиденье. Под ним лежали ракетница, ракеты и пустая гильза. Весь наш наряд от изумления разинул рты: мы-то вышли ловить мифических шпионов, вроде чертей с рогами. А тут? Вот тебе и «профессор». Только после этого мы стали понимать, что враг коварен и может надеть любую шкуру.

Был и второй случай, еще драматичнее, чуть не стоивший мне жизни. Меня в звании старшины откомандировали в одну из ополченческих дивизий Дзержинского района Москвы, в медсанбат, где не хватало кадрового состава, были только старики да девушки. Дивизия находилась на передовой в районе Ельни. Однажды меня вызвал возглавлявший медсанбат майор Грес, сказал, что перемещаем, назвал населенный пункт и оставил меня за себя. Сам посадил весь командный состав на два автобуса и отправился вперед. Мы с санитарями, собрав медикаменты и инструменты, на конных повозках двинулись следом. Скоро я обнаружил, что моего начальства и след простыл. Испарилось, исчезло. Прибыв в указанный пункт, никого мы там не обнаружили. Я принял решение выбросить все лишнее с повозок. Остаток медсанбата метался по проселочным дорогам, уже без всякого здравого смысла, в разных направлениях. Стало известно, что мы в окружении.

«Двадцать второго июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война...» Вот уже 49 лет слова этой популярной в годы войны песни напоминают мне о драматических событиях.

Нашей колонне повозок повстречалась колонна автомашин во главе с генералом. Это был штаб какого-то большого соединения. Генерал немедленно потребовал старшего, а «главнее» меня, восемнадцатилетнего, никого не оказалось. Генерал грозно спросил, на основании какого приказа брошено нами снаряжение. Я ответил: «Чтобы оно не досталось врагу». Тогда генерал обвинил меня в измене и приказал арестовать. Меня посадили в кузов полторки, с боков сели по автоматчику. На мое счастье навстречу колонне подъехала другая — бензовозов, потребовала освободить дорогу. Невообразимая неразбериха, стрельба в воздух... Мои конвоиры кинулись на помощь своим товарищам, а я, воспользовавшись суматохой, выскочил из кузова и бросился в лес. Наконец, все разоблачилось, и генерал заметил, что арестованный исчез. Он пришел в неописуемую ярость и объявил, что вместо меня расстреляет конвоиров. Я все это слышал, сидя в большом кусте ивы. Наконец, страсти улеглись, и я увидел своих санитаров, которые сокрушались: «Жалко старшину, погиб ни за что, по ошибке». А я говорю: «Рано вы меня хороните».

Уже после войны, в 1945 году, в фойе Свердловского драмтеатра довелось мне встретить однополчанина Барышева. Он и поведал мне конец той истории: Грес, оказывается, весь командный состав на автобусах привез к немцам.

Да, недаром говорят: на войне как на войне. Бывало всякое, и я хлебнул лиха. И много горького сегодня вспоминается. Может быть, о настоящей цене победы мы узнаем только сейчас...

**Д. ОБЕРТАС,
инвалид войны.**